

НЕОБЫЧАЙНА красота Капри — розоватые скалы и темная зелень на сияющей синеве Тирренского моря. Весь маленький остров с крутыми скалистыми берегами тянется вверх, и по крутизне причудливо лепятся домики, вылиты, отелли, висят прямо над бездной роши апельсиновых и лимонных деревьев, маслины, виноградники. Земля в этих садах особая, рабочие приносят ее в корзинах на собственной спине. Вспоминаю, как мелкий чиновник из Милана в Неаполитанском порту презрительно уверял нас, что в Южной Италии народ слишком ленив, работать не любит, оттого и бедствует (а нищета и бедствия простых людей здесь действительно ужасающи). Глядя на роскошную зелень и плоды Капри, невольно думаешь: нет, неправда, народ, тяжелым ручным трудом создавший эти чудеса, умеет и любит работать. Не его вина, что эта прекрасная земля стала для него не матерью, а злой мачехой.

Среди искалеченных нищетой и тяжелым трудом, но сильных духом, жизнерадостных, неунывающих людей жил наш Алексей Максимович, гордился ими, горевал и радовался с ними, с восторгом слушал их чудесные песни, любовался их красивыми народными праздниками. И в воспоминаниях о Горьком и в письмах много сказано хороших слов об этом времени его жизни.

На Капри любой прохожий покажет вам отель «Эрколано». Выкрашенный в ярко-красный цвет домик, прилипший к скале, резко выделяется на фоне других, преимущественно белых зданий. Здесь жил Горький, здесь сохранились некоторые его

По горьковским местам в Италии

❖
СТРАНИЧКИ ИЗ ПУТЕВОГО
ДНЕВНИКА
❖

личные вещи (буфет, стол, кровать). Но мы знаем, что есть еще на другой стороне острова домик, где поселился Горький, ища тишины и уединения. Как найти этот дом? Гиды, как водится, не знают. Но рыбаки на Марина Гранда превосходно понимают нас. «Синьор Массимо», «большой Массимо» известен многим по рассказам. Старый Луиджи Гранти, которого вездесущие мальчишки привели откуда-то, немного говорит по-русски. Совсем немного, правда, а других языков он не знает и мрачнеет, услышав английскую речь. (Кстати, мы замечали не раз, что очень многие итальянцы неприязненно встречали попытки говорить с ними на английском языке). Из его немногих ломаных слов кое-как понимаем, что Алексея Максимовича он знал лично, что «синьор Массимо» был очень веселый, часто выходил рыбачить с ними, молодыми рыбаками, любил слушать песни и смотреть танцы на набережной. Рыбак очень стар, наверное, не помнит многого, но он знает, где жил Горький.

К нам «прикомандирован» молодой парень, получивший подробные указания от старика, и маленькой группой, отколовшись от всех своих спутников, мы идем за нашим проводником на

другую сторону острова. Длинная лестница вниз, затем бесконечно длинная и очень узкая улочка — виа Муло (и в самом деле, по ней может пройти разве мул, запряженный в тележку — и больше ни пройти, ни проехать никому нельзя). Идти приходится гуськом. Из домов выбегают люди, с великим любопытством смотрят на нас: что может понадобиться целой группе иностранцев в этой тихой части острова? А может быть, уже знают, кто мы? Ведь впереди нас бурно несутся смуглые каприйские мальчишки — такие же смелые, любопытные и быстрые, как все мальчишки на земле.

То вверх, то вниз ведет узенькая виа Муло, и вот, наконец, калитка, за нею усыпанная гравием дорожка и небольшой двухэтажный дом. Здесь нет мемориальной доски, дом густо населен приезжими, но старая синьора, выслушав нашего проводника, показывает нам комнату и террасу, где жил Горький. Среди черных кипарисов сверкает море, на террасе — белые цветы в длинных ящичках. Так или не так было тогда, когда жил здесь наш любимый земляк? Наверное, изменились обстановка комнаты и сад, но разве это важно?

Важнее всего то, что и сейчас радостная улыбка озаряет морщинистое лицо старого моряка, когда называют имя Горького; что с таким вниманием и уважением разглядывает нас старая женщина в доме, где жил Горький; что таким радостным любопытством искрятся глаза оборванных мальчишек. Здесь Италия Горького, страна прекрасных «сказок об Италии», мужественного и жизнерадостного народа, которому еще предстоит борьба за свое счастье и будущее своих детей. Сознание этого — лучшее, что уносишь с собой из зеленого и золотого, розового и лазурного Капри — рая для богатей.

С особым чувством приближались мы к Сорренто. Этот городок Южной Италии навсегда связан для нас с именем Горького. Узенькие, кривые улочки, идущие то вверх, то вниз, в этот воскресный июльский день были залиты солнцем и заполнены праздным народом.

Гид фирмы «И Гранди Виаджи», сопровождающий нас, разводит руками на вопрос, как проехать к вилле Горького, и начинает нас уверять, что

мало времени для поисков ее. Нас это не удивляет. Пускаемся на поиски по своей инициативе. Нас много, туристов «Победы», мы разделены на группы, и каждая из групп испытывает интересные приключения на пути к домику Горького. Одна группа доверилась ловкому добровольцу-гиду, который приводит наших товарищей к роскошной вилле... печальной памяти «дуче» Муссолини. Обман разоблачают хохочущие дорожные рабочие.

Другую небольшую группу доставил к дому Горького довольно потрепанный и исхудалый итальянец, объявивший себя родственником герцога Серра Каприола, бывшего владельца виллы, где жил Горький. Он церемонно заявил советским людям, что проводил бы их внутрь домика, если бы был знаком с маркизой, снявшей эту виллу на лето, но он ей — увы! — не представлен. Говорят, он очень удивился, что невозможность познакомиться с итальянской маркизой никого из его спутников особенно не огорчила. Весьма вероятно, что он говорил правду о себе: итальянское дворянство сейчас влачит довольно жалкое существование.

Нашей группе повезло: с нами наш земляк-горьковчанин, работник посольства. Он в Италии уже несколько лет и превосходно ориентируется. Быстро погружает он нас в автобус, вместе с недовольным агентом туристской фирмы, дает указания шоферу на звучном итальянском языке, и мы движемся по дороге от Сорренто. Через несколько минут автобус останавливается.

Небольшой белый двухэтажный скромный домик на краю узкого, изогнутого шоссе, рядом несколько таких же домиков, закрытые ворота, спущенные жалюзи, темная масса зелени за домами; под обрывом знойно дышит море. Со странным, особенным чувством смотрим на потоки каких-то лиловатых цветочков. свешивающихся из-за ограды, на табличку с названием набережной — Калата Пунта дель Капо на крайнем домике, на надпись над воротами «Иль Сорито» — и на мемориальную доску, где родные русские слова говорят о том, что здесь жил наш Горький.

Наша автобусы перегородили узкое шоссе, мы фотографируем домик, толпимся около него, образуется «пробка», с трудом пробраются легкие машины, итальянцы-шоферы сердито и весело кричат: «Фермата сита!» (Остановка запрещена!), но

сами приветственно машут руками и блещут зубами: всем понятно, что значит это паломничество советских людей к скромному белому домику. Да, это у них надо было спрашивать, как найти домик Горького — у них, простых людей Южной Италии.

Подходит к нам группа дорожных рабочих, несмотря на воскресенье что-то делающих за поворотом шоссе. На невероятной смеси английского, итальянского и русского языков мы с ними объясняем без особых затруднений. Нет, они, даже самые пожилые из них, хоть и местные жители, не знали Горького лично, но все знают, кем он был для нас и для рабочих всего мира. Коммунистическая газета «Унита» не так давно печатала перевод «Сказок об Италии», «Песни о Буревестнике». А авторитет компартии и ее газеты очень велик среди простых людей Италии.

Смуглолицый, рябоватый пожилой рабочий — он называет себя Карло — говорит:

— Это очень хорошо, что вы все так умеете дружить, что вы все товарищи. Вот вы ушли с веселого праздника в Сорренто, чтобы постоять у дома, где жил ваш товарищ Буревестник. Мы тоже учимся дружить, как вы.

По шоссе мчатся яркие спортивные машины иностранных туристов. Внезапно среди них мелькает фигура полицейского на мотоцикле. Метнув в нашу сторону острый неприязненный взгляд, он устремляется к нашим автобусам и гитам, чтобы пресечь беспорядок. В черных глазах Карло — насмешливый огонек.

— А неплохо было бы увидеть эту беспоконную птицу — буревестника, вон там, над этим слишком спокойным морем, — показывает он на безмятежную синеву залива.

— Не так ли, товарищи?

Звучат гудки автобусов, машут руками, призывая нас, гиды. В последний раз оборачиваемся на группу людей у разбросанных камней на дороге. Дружным движением поднимаются на уровень плеча узловатые смуглые кулаки — старый, старый жест интернационального единства рабочих. Нам довелось увидеть его еще раз своими глазами на шоссе Калата Пунта дель Капо, перед маленьким домиком, где жил великий писатель рабочего класса.

А. АЛЕКСЕЕВА.

НА СНИМКЕ: Горький в Сорренто.